

НОВАЯ ЭТИКА НА ФОНЕ ГРЯДУЩЕГО

Аннотация. Структурные изменения в социальном содержании глобального мира могут оказать определяющее влияние на будущее человечества. Пока так называемые передовые государства занимаются вопросами освоения космоса, глобального потепления/похолодания, коммерческой глобализации, делят между собой экономическое пространство планеты, укрепляя кастовый фундамент мировой государственной системы и создавая очередной удобный для себя мировой порядок, основанный на беспорядке, людской мир меняется по своим ментальным канонам и принципам. Новый класс — прекариат — в сочетании, с одной стороны, с уже имеющимися общечеловеческими проблемами бедности, неравенства, неграмотности, невежества, коррупции, всевластии одних над другими, монополии транснациональных образований, множественных противоречий между стратами, классами, этносами, народами и государствами, с другой — с ускоренным перенаселением Земли, вступает в собственную власть, которая в силу ангажированности государственных законов и деградации традиционной морали мало чем может быть ограничена.

Ключевые слова: общество, социальный мир, государство, прекариат, пролетариат, олигархат, мораль, этика, трансформации, будущее.

A NEW ETHICS IN A CONTEXT OF THE FUTURE

Abstract. Structural changes in the social content of the global world can have a decisive impact on the future of humanity. While the so-called advanced states are engaged in space exploration, global warming/cooling, commercial globalization, divide the economic space of the planet among themselves, strengthening the caste foundation of the world state system and creating another convenient for them world order based on disorder, the human world is changing in its mental canons and principles. The new class — the precariat — in combination, on the one hand, with the already existing common human problems of poverty, inequality, illiteracy, ignorance, corruption, the omnipotence of one some over others, the monopoly of transnational entities, multiple contradictions between stratas, classes, ethnic groups, peoples and states, and on the other hand, with the accelerated overpopulation of the Earth, enters into its own power, which, due to the biased state laws and the degradation of traditional morality, can hardly be limited by anything.

Key words: society, social world, state, precariat, proletariat, oligarchy, morality, ethics, transformations, future.

Структурное содержание общества во все времена имело важное значение для развития цивилизации. Государство консервативно и, возможно, если бы не объективная необходимость, способствующая революционным

(во всех смыслах) и эволюционным изменениям, человечество по сей день пребывало бы при рабовладельческом строе. Не всегда трансформации одних форм хозяйствования на другие выступали логичным исчерпыванием внутренних возможностей той или иной формации. Система обычно с трудом расстается с собственными устоявшимися построениями. При всей слабости (в том числе внутренней, но не сущностной) общества, именно оно выступало (на ее же долю выпало и в наши дни быть инициатором) глобальных изменений. Имея множество ограничителей разного рода, начиная от страха до банального невежества, не ведая как, общество время от времени «ввязывалось в бой», даже не зная, что «там будет видно»¹.

Сословный строй только внешне выглядел как нечто монументальное, внутри него, не сказать, что кипели страсти, но метаморфозы были обыденным явлением, — презираемое сословие логикой обстоятельств и времени меняло свое положение в уважаемое, становясь в разряд доминирующих корпораций, но это могло происходить только с кастовыми образованиями из «верхних этажей общества». Состояние эксплуатируемых редко менялось, в той же средневековой Европе, когда люди ходили, условно говоря, под богом, то есть при практически полном доминировании Церкви, отношение изменилось в основном к интеллектуалам (за исключением людей науки), — это и есть причина Ренессанса, для остальных, а тем более главных производителей ценностей и обездоленных была уготована инквизиция. С XVI по первую половину XIX века (до К. Маркса) движущей силой и главными организаторами гражданского общества считались купцы. Но не было ни одного полноценного периода в обозримой истории, когда бы ценностью называлась (воспринималась, считалась) личность, то есть человек, являющийся собой без преувеличения центральную фигуру цивилизации.

Декларации мы отбрасываем намеренно, нередко они стоят не дороже бумаги, на которой изложены, и чаще выступают, с одной стороны, средством прикрытия лицемерной сути властных структур, с другой, — служат сдерживанию общественного развития как некие симулякры достигнутой цели: это такой «выпуск пара», только в масштабной форме. С появлением классов, которые не только были организованы по определению, но и отличались желанием поделиться сформулированными интересами и требованиями с другими стратами, власти стало сложнее сохранять ситуацию в состоянии должной стабильности. Лихорадочные поиски общих точек соприкосновения так и не зашли дальше создания профсоюзного движения и внедрения в ряды рабочих всевозможных штрейкбрехеров. Так или иначе, но государству пришлось основательно повозиться, пережив множество «предынфарктных состояний» в виде революций, а волнительные моменты, связанные с забастовками и демонстрациями протеста, и вовсе стали частью его повседневности. Состояние постоянного ожидания катастрофы вряд ли

¹ «Нужно сперва ввязаться в бой, а там видно будет» (приписывается Наполеону I Бонапарту).

можно называть стабильностью, но между государством и обществом образовалась насквозь пропитанная парадоксами форма договоренности, примерно такая, какая в наше время существует между полицией и демонстрантами в некоторых европейских странах: до первой разбитой витрины протест считается мирным, дальше стороны действуют по своему усмотрению и на свой страх и риск. Право на провокацию не оглашается, но, судя по частым стычкам сторон, подразумевается. Получается некий «худой мир», который, как гласит общепризнанная народная мудрость, лучше доброй ссоры.

«Технология и знания развиваются с огромной скоростью. Это уже благо, или станет таковым. Человек, однако, не изменился. Он такой же, каким был в тот день, когда немецкий теолог Дитрих Бонхёффер публично выступил против нацизма и антисемитизма, зная, что после этого выступления его ожидает лагерь смерти. Он такой же, каким был, когда аплодировал в римском Колизее, когда распинал Христа, когда убивал безоружных вальденсов, когда травил газом людей в Освенциме, когда пытал повстанцев в Малайзии, Алжире и Вьетнаме. Свое последнее интервью французский историк Фернан Бродель закончил словами, что хотя знание означает, что у человека остается меньше оправданий своему варварству, но человек, тем не менее, остается в “высшей степени варваром”. У человека нет генетически заложенных механизмов, которые позволили бы ему избежать дурных поступков своих предков. ...Темноту трудно отличить от света в плотной паутине структуры и логики, сотканной вокруг них. Поэтому, если мы хотим вновь обрести контроль над нашим здравым смыслом и моралью, нам необходимо удалить слои фальшивых напластований над ними» [1]. Какими бы знаниями мы не обладали по поводу прошлого, современному исследователю трудно судить о временах перемен, когда экономические, политические, психологические метаморфозы охватывали целые страны, ввергая их в пучину неизвестности и непредсказуемости. Можно разве что проецировать исторические события на трансформационные процессы последних трех десятков лет, когда мир с интенсивностью в той или иной степени переделывается, терпит внутренние и внешние изменения, до конца не осознавая сути происходящих с ним отступлений и модернизаций, закручиваний и выпрямлений, прогресса и регресса, взлетов и падений, выражающихся не только в бесконечных холодных, едва теплых и горячих конфликтах с очередным массовым переселением народов, но и в какой-то особенной по своей сути эйфории — то ли предсмертной, то ли возвещающей о начале новой эпохи. Так уж случилось, что нынешние поколения оказались вовлеченными во все невзгоды эпохи перемен — кто-то как участник, кто-то как созерцатель или просто зритель, кто-то как исследователь, а кто-то и вовсе как жертва. Многие в буквальном смысле почувствовали «на собственной шкуре», а еще больше людей продолжают ощущать бремя изменений, сказывающееся по-разному, но практически во всех случаях приводящее к слову немалой части устоявшихся основополагающих факторов,

как материальных, так и духовных, — от вековых обычаев и нравственных норм до мировосприятия.

После распада Советского Союза автору встречались люди, в прямом понимании слова потерявшие смысл собственной жизни. Некоторые из них старались не выходить из дома, закрывались от ежедневных новостей, о многих вещах и обстоятельствах говорили, исходя из устаревших понятий и используя терминологию вчерашнего дня. Намеренно называя новые учреждения власти по-старому, как будто пытались вернуть с помощью слов понятную им реальность. А ведь тогда по большому счету для обычного человека мало что изменилось: сменилась власть, на смену одной системы пришла другая, — основная часть изменений носила формальный характер. Видимо, существует определенного рода чувствительность, которой оделены не все, она позволяет отдельным индивидам видеть за формальными признаками глубину будущих изменений. Возможно, с этим чувством и связана разная реакция людей на одни и те же обстоятельства в виде (для наглядности возьмем крайность) той же войны. Одни убегают, не дожидаясь, пока она окажется у порога, другие терпят все лишения оккупации. Вот и в наше время одни миллионы людей, которых цивилизованный мир называет мигрантами и выставляет пугалом, разбрелись по миру и ищут, где спрятаться от реальных и грядущих бедствий, другие — продолжают жить в надежде, что под «точечными» и «сверхточными бомбардировками» окажутся не они и не их семьи.

Думается, что «пугалом» впору выставлять не беженца, а представителя того большинства, кто незаметно для исследователей постепенно, но безоговорочно по численности, силе и организационным возможностям не только превосходит вчерашнего «гегемона», но и намного лучше, чем пролетариат, осознает свои цели и задачи. Кстати, новый класс — не «пугало» даже в самом страшном смысле слова, а нечто значительно большее, то есть реальная сила. Но сначала несколько слов о сословно-классовых изменениях. «Сословно» потому, что современного рантье трудно отнести к какому-либо классу или страте. Но его влияние нельзя отрицать и недооценивать. То же самое с так называемым олигархатом, обозначение которого как бы отодвигает его от власти. Иначе говоря, обществу дается некое объяснение, что так как олигархи — это нечто отдельное, далекое или даже, как ныне говорят, равноудаленное, то у нас (теперь «у нас» — это чуть ли не повсеместно) нет олигархии, как государственной системы управления.

В целом сословное общество — одна из придумок государства, оно, как и практически все другие его изобретения, изначально было ориентировано на упрощение. В определенной мере — это часть той действенной управленческой максимы, которую радикальные мыслители иногда называют принципом сатаны: «разделяй и властвуй». Будучи по своей сути сторонницей простых решений (некогда, незачем, нет необходимости, и так сойдет и т.д.), власть и раньше (века и тысячелетия тому назад) глубоко не вникала

и сейчас не всматривается в сложные метаморфозы и подробности социальной действительности. Подведя мощнейшую законодательную основу под самоуправление и воздвигнув над ним гору ограничений и правил, она пытается расставить вокруг и внутри социума множество по-разному оформленных пограничных столбов, чтобы обратить это общественное явление в собственную структуру, то есть предъявить обществу еще один симулякр. Сословная система в данном контексте выступает как одно из надежных средств — не надо никому показывать на его место, оно определено рождением; здесь упущение в одном: человек, которому назначено быть рабом, нищим, обездоленным, вряд ли сумеет выйти за пределы этого предопределения, а тот, кто по рождению выше окружающих и без усилий с его стороны оказывается у вершины социальной пирамиды, может и не заглядывать в собственный интеллектуальный потенциал. В результате коэффициент полезного действия сословной (кастовой) системы оказывается небольшим, но государство озабочено не этим, его задача — воздвижение собственного порядка, где сословия более чем уместны.

Многовековая практика показывает, что социальный мир трудно уподобить чему-то застывшему, окостеневшему, в отношении которого можно ограничиться раз и навсегда определенными и назначенными правилами. Он меняется и словно камень, катящийся по нисходящей плоскости, движется и при этом трансформируется все сильнее и быстрее. На каком-то этапе истории (в том числе на современном) общественное мироздание реагирует и на симулякры, но судя по темпам изменений, в ближайшее время оно перестанет замечать не только видимости и фальшивые ценности, но и устаревшие закономерности. Здесь уместно было бы добавить, что «государству нужно быть к этому готовым», но случай не тот. Общество медленно, но верно выходит за пределы государственной «миро-системы» (И. Валлерстайн), оно в буквальном смысле ускользает от него, оставляя его без всяких шансов на сохранение статус-кво. В 1820 году население Земли составляло 1 миллиард человек, в 1927-м — 2, в 1960-м — 3, в 1974-м — 4. В июле 1987 года на нашей планете проживало уже 5 миллиардов человек, в октябре 1999 года эта цифра превысила 6 миллиардов, а ровно через 12 лет, то есть в том же месяце 2011 года Землю населяли уже 7 миллиардов человек. Преодоление 8-миллиардного рубежа ожидается в 2024 году.

Специалистов-демографов мало кто относит к пророкам, и редко какая государственная структура к ним прислушивается. Видимо, люди и организации исходят из того, что демографические сведения и прогнозы — это данность, с которой ничего не поделаешь. В вопросах увеличения численности населения нас тоже волнует наше время, грядущее — дела будущих поколений. Но с учетом того, что численность землян может быть утроена в течение жизни одного поколения — с 1960 года, — то демография как наука не только обретает важность, но и занимает место среди тех знаний, без которых человечеству в скором времени будет очень непросто ориентироваться

в тенденциях собственного развития. Однако дело даже не в этом, как раз с подобными проблемами цивилизация разберется, опыта у нее предостаточно. Перенаселение земли только кажется чем-то новым, мир сталкивался и справлялся с этим как в локальном, так и глобальном смысле множество раз². Вопрос заключается в том, что государственное решение проблемы демографии почти неспособно выйти за пределы банальной планетарной войны. Вот здесь и нужно предостеречь любителей простых решений: за весь XX век и во всех его войнах, включая мировые, потери человечества составили немногим более 100 миллионов человеческих жертв. За то же время население планеты выросло почти на 6 миллиардов человек. Комментарии и пояснения излишни. И так понятно, что война — не тот вариант вердикта, посредством которого можно реально повлиять на дальнейшее развитие человечества в том глубоком, широком, сущностном смысле и долгосрочной перспективе. Даже если число жертв XX века в XXI веке будет умножено на 10, это не даст ожидаемого демографического результата.

Общество в очередной раз обойдется без государственных усилий. Круг забот мировой государственной системы по отношению к человеческой цивилизации разве что масштабами отличается от каждодневных проблем отдельно взятого государственного образования, где во главу угла ставится опека тех же олигархата, рантье, номенклатуры (этот советский термин прекрасно обозначает людей, оказавшихся в пределах заботы иерархической системы власти), транснациональных и иных форм глобальных корпораций и других социальных образований, то есть меньшинства. Проблемы мирового сообщества из века в век худо-бедно, но решаются им самим. Ошибка государства также и в том, что, во-первых, оно, находясь в прозрачной и открытой реальности со всеми ее углами и округлостями, прошлым, настоящим и будущим, ущельями, вершинами и равнинами, уровнями и плоскостями, зеркальными поверхностями и выбоинами, действует как при игре, во-вторых, ставит на одних и тех же, еще и ставит не на тех. При огромном арсенале вариаций и возможностей оно выбирает наиболее узкий путь, минимизируя собственную альтернативу и доводя ее до единственно удобного. А удобное — не всегда верное. И всякий раз, когда следствие им же самолично созданных причин настигает государство в виде различного рода социальных катастроф, оно, вместо того чтобы пройти объективным взглядом по собственной истории и разобраться в истоках происшедшего, ищет виновных.

² Например, в Китайской Народной Республике на территории в 9,6 миллиона квадратных километров, две трети которой составляют горные хребты и нагорья, проживает больше чем пятая часть населения планеты; численность населения Японии, территория которой в десятки раз меньше площади крупнейшей страны мира — России, — вполне сопоставима с ней (около 130 млн человек), при этом почти 60% территории этого островного государства не освоена, а уровень жизни значительно превосходит аналогичные показатели населения преобладающего большинства стран.

Достаточно беспристрастного ретроспективного исследования на бытовательском уровне, и становится ясно, что следствие оборачивается серьезными итогами, хуже того, все сложнее справляться с причинами: революции влекут за собой еще более масштабные по своему разнообразию, территориальному и временному охвату революции; межгосударственные политические конфликты порождают вооруженные противостояния, из локальных войн возникают глобальные катастрофы. После революции 1917 года, вопреки декларациям и ожиданиям, на территории Российской империи воцарилось не всеобщее счастье, а, как показало время, бесперспективное тоталитарное общество; вслед за Первой мировой войной, которая должна была разрешить множество глобальных противоречий, должен был наступить мир, но случилась еще более кровавая Вторая мировая война; победив фашизм, то есть одно из собственных изобретений, мировая государственная система немедленно, даже не отдышавшись, затеяла холодную войну на несколько десятилетий, видимо, чтобы без дела не сидеть. Занавес поднят, сцена мировой политики как никогда открыта всем взорам, и сегодня любой желающий может, если не догадаться, то пофантазировать на тему, какой государственный сюрприз ждет человечество за ближайшим историческим поворотом.

Особенность современной международной ситуации в том, что причины видимых следствий кроются не только в государственной политике и экономике, но и социальной экологии. Их глубинная этиология, точки возникновения, источники образования в значительно большей мере связаны с общественной средой, то есть с пространством, до которого государству по большому счету дела нет, и с которым оно рассчитывается мелочью и только при необходимости. А ответ держать придется. Масса, которая идет на государство, пощады не знает, векторы ее движения охватывают весь мир со всеми его базисами и надстройками, идеями и идеологиями, парадигмами и обоснованиями. Против нее у государства нет ни союзников, ни средств защиты, ни слов для оправдания. Руль в любом случае придется уступить, чтобы дело закончилось не уничтожением и необходимостью начинать с новой страницы, а хотя бы почетным (бескровным) поражением, чтобы капитуляция свершилась на разумных условиях; но пока не поздно, лучше поделить место у руля. «Смысл истории, “мистерии поступков” — становление человека. На планете сегодня происходит своего рода восстание личности против власти традиций и тирании стереотипов, сопряженное с бунтом элит. Необходимость ориентироваться и действовать в распределенных по странам и весям анклавах нового мира предьявляет запрос на высокоорганизованного индивида, обладающего развитым интеллектом, культурным капиталом, владеющего разнообразными искусствами и уникальными компетенциями. Мы наблюдаем личностно ориентированное общество — людей, имеющих возможность веско заявить о себе, эффективно сочетая современный инструментарий с мыслью и действием» [2]. Масса движется с двух сторон, но она настолько велика, что охватывает все сторо-

ны света. Ничего неожиданного и внезапного не происходит, государству придется столкнуться с результатом событий, параметры которого в течение веков преподносились и задавались им как нечто безальтернативное. Мировой государственной системе предстоит встреча с двумя проблемами, каждая из которых порождена условиями созданной властью социальной среды. *Первая из них — увеличение численности населения Земли, вторая — роботизация производства.* Государственной системе управления, в том виде и качестве, в котором она существует, не под силу решить их не только вместе, но и в отдельности. И та, и другая проблемы требуют решения огромной задачи в виде придания смысла жизни миллиардам людей. И если до сих пор можно было не обращать внимания на огромное число голодающих на обочинах и задворках глобального мира, то сегодня, максимум завтра эти обочины и задворки будут пролегать по центральным улицам столиц так называемых сверхдержав.

Симулякры не сработают, свалить проблему на мигрантов не получится, новую религию создавать поздно, особую идеологию некому придумать, — объекты по своим масштабам настолько несопоставимы со средствами, которые государство в состоянии им противопоставить, что способны (а судя по благодушному ожиданию единовластного государства) и будут претендовать на субъектность. В фильме Ларса фон Триера «Меланхолия» земляне долго наблюдают приближающееся странствующее небесное тело, которое столкнувшись с Землей, должно ее уничтожить (чем дело и заканчивается). Так вот, проблема, о которой идет речь, уже доступна для наблюдения. «На наших глазах происходит приватизация будущего. Политическая практика, опирающаяся на бюрократизированные, олигархические структуры управления, проигрывает историческое соревнование с инструментально аранжированным обществом мотивированных индивидов, распространяющейся «неопознанной культурой». Возникли и умножаются децентрализованные, неподконтрольные государствам высокотехнологичные финансовые системы, чей центральный банк смещен если не в область «криптофизики», то деятельной абстракции. Яркий пример — рынок криптовалют: старый и новый (cash) биткоин, разделившийся эфириум, риппл, лайткоин, даркоин, прочие альткоины» [2].

Теперь дело не в сословиях, кастах, классах, стратах, прослойках, группах и группировках (еще немного и на фоне грядущей катастрофы потеряют значение и нации, и национальности вместе с гражданствами и подданствами), а в человечестве. Вышеупомянутый прекариат — в большей степени предостережение; в нынешнем его состоянии на него можно не обращать внимания, но это — завтрашний день пока еще в примитивном облики. Прекариаты ведут себя примерно как английские луддиты начала XIX века, выступавшие против внедрения машин посредством выведения из строя станков, но они — предвестники несколько другого порядка. Это — тот, кто создает новую среду, а не пытается сохранить старую. Его кажущаяся ней-

тральной социальной и политическая позиция обманчива, а выглядевшая примитивной цель зарабатывания на жизнь — всего лишь прикрытие для других, более сложных целей, суть которых выражается в претензии на место под солнцем в достаточно многомерном смысле. «Что не вполне очевидно — будущее уже пребывает и прорастает в настоящем. Оно пробивает пути в идеях, людях, их намерениях, действиях. Мы создаем будущее, соучаствуя в грандиозном предприятии, интуитивно создавая контур совместно возводимого здания, разрабатываем проекты и воплощаем фрагменты футуристической истории. Изменяются системы управления, география центров влияния, возникают субъекты действия. Слабо связанные с прошлым, проявляются неформальные персонажи, играющие по своим, не слишком внятным для остальных правилам. А столь часто упоминаемая глобализация сопровождается индивидуацией — генерацией людей нового века» [2].

Прекариат — беда или спасение?

С точки зрения государства в современном мире им уже схвачено все. Осада завершена. Единственная проблема заключается в простеньком вопросе — зачем? Зачем идти по пути, который не ведет никуда? Если по-другому, то зачем вкладывать огромные средства в колонизацию Марса, когда можно просто побережь Землю? Здесь речь не о реальном проекте, которого нет и в ближайшие 50 лет не будет, и даже не о популизме, как единственной основе такого рода проектов. Лакмусовой бумажкой для таких «колонизаций» может служить их авторство: с подобными идеями практически всегда выступают политики, редко — деловые люди, и никогда — ученые. «Во время своей первой предвыборной кампании (будущий) президент Джордж Буш дал своим оппонентам, сетующим, что 70 процентов федеральных средств, выделяемых на НИОКР, идет на оборонные нужды, странный ответ: “Критики не замечают важности исследований в области обороны для науки и технологии, а они расширяют границы наших знаний и способствуют нашему процветанию”. Интересно, однако, не то, работает эта система или нет, а то, что не помешало бы выяснить, нет ли какой-нибудь другой, лучшей системы. Почему правительство не может направить свои инвестиции прямо в мирные сектора тех отраслей, которые все время надеются получить крохи научных знаний со стола военных исследований» [1]. Вообще-то вопрос по поводу Марса тоже здесь задан для наглядности и не более того. А реальный вопрос «зачем?» может быть поднят новым классом, способным в корне изменить всю политическую, экономическую и социальную инфраструктуру мира.

Мы говорим о прекариате³, как о пока еще мало кому известном образовании, которое только-только осознает себя, начинает ощущать свою

³ Термин образован соединением английского выражения «precarious» — «нестабильный», «неустойчивый», и слова «пролетариат».

силу, хотя и не определилось с собственным местом в общем пространстве. «В 1970-е годы умами политиков завладела группа идейно настроенных экономистов. Главный принцип их неолиберальной модели состоял в том, что экономический рост и развитие зависят от рыночной конкурентоспособности и нужно сделать всё для максимального повышения соревновательности и конкуренции так, чтобы рыночные принципы проникли во все аспекты жизни. Считалось, что помимо всего прочего следует повисить гибкость или подвижность рынка труда, а это значило переложить бремя рисков на плечи работающих и их семей, делая их еще более уязвимыми. В результате возник класс мирового «прекариата», насчитывающий в разных странах много миллионов людей, не имеющих якоря стабильности. Они-то и стали новым, потенциально опасным классом. Они охотно прислушиваются к самым вздорным призывам и готовы отдать свои избирательные голоса и денежки на создание и укрепление политической платформы для этих смутьянов» [3]. Иначе говоря, все вышло в духе власти, самая далекая и перспективная цель которой ограничена сроком собственных полномочий, — а что будет дальше, находится вне пределов ее интересов. «Ключевых же игроков у истории сегодня два. Во-первых, интернациональное многолюдье. Численность людей в прошлом веке прирастала миллиардами, росла сумма пассионарных индивидов, существующих между ними связей, переплетающихся и автономных сюжетов. С какого-то момента инертные прежде массы приходят в движение. Глобальная индустриализация, демократизация, деколонизация, наличие современных транспортных средств, устройств и услуг, обилие и разнообразие коммуникаций, их ценовая доступность, скорость и универсальность распространения информации резко повысили интенсивность и объем взаимодействий, отменяя пространственные разграничения. Государственные границы становятся менее значимыми, проницаемыми, постепенно исчезая с карт повседневности. Массы перемещаются и перемешиваются, индивиды — устремляются и развиваются, фанатики и парии декларируют собственные претензии к миру, порой убийственным образом. Антропотоки беженцев заливают Европу (и не только), растворяя и переплавляя прежний строй. Восстание масс обретает второе дыхание, подрывая социальные и другие стандарты. Но главное — это бурлящее многолюдье, заместив решительностью культурные установления современности, получило доступ к эффективным инструментам, созданным гением человеческой цивилизации. Причем используются как конструктивные, так и деструктивные возможности: магнаты и социопаты, террористы и хакеры также обустраивают сценарии перемен, соучаствуют в борьбе за свою версию будущего, используя технические и технологические достижения эпохи. Другой игрок — личность нового типа. Мы определяем будущее и познаем судьбу, испытываем шансы и осмысливаем риски, отходя от потускневших стереотипов и обезличенных обобщений. В антропологической вселенной зажигается, мерцает и гаснет множество

звезд, а в предпринимательской среде властно утверждается влиятельный персонаж — *manterpriser* (*man* — «человек», *enterprise* — «предприятие») человек-предприятие» [2].

Прекариат — это универсальный пролетариат с широким функционалом не только по умениям, но и по готовности, но этим его особенность не ограничивается. «Его столпами-мыслителями были Пьер Бурдьё, предложивший понятие прекариата как нестабильного, незащищенного общественного слоя (1998), Мишель Фуко, Юрген Хабермас, а также Майкл Хардт и Тони Негри, чей эпохальный совместный труд «Империя» (2000) стал продолжением и развитием идей Ханны Арендт (1958). Были также отголоски беспорядков 1968 года, связавшие прекариат с франкфуртской школой «Одномерного человека» Герберта Маркузе (1964)» [3]. Отличие прекариата от рабочего класса еще и в его вездесущности. Он не обязательно технарь и не обязательно креативен, и даже не обязательно люмпен в марксовом смысле. Одно из главных свойств прекариата заключается в его мобильности, и не в общепринятом, а гораздо более широком, абсолютно новом понимании. Он даже не тот фольклорный портной из поговорки, которому чтобы собраться переехать, достаточно воткнуть иголку в воротник. Мобильность прекариата не в готовности к перемещениям, как говорят в народе, легкости на подъем, она означает еще и сокращение числа сдерживающих факторов: он не только умеет, еще и может. И нередко может в одиночку, а если сумеет организовать со своими «одноклассниками», то от их совместных действий очень трудно будет найти «противоядие». Сила прекариата, как класса, еще и в том, что он мобилен, не сходя с места. Ему не нужно переходить границы, посещать учреждения, писать петиции, обращаться в инстанции, — он способен на изменения реальности самостоятельно, не с кем не советуясь, не у кого не спрашивая и не нуждаясь не в каких теоретических базисах. «Булыжник» для части прекариата за относительно короткое время эволюционировал (кстати, практически незаметно для власти) в невидимые компьютерные вирусы и на что угодно способные программы, особенность которых в том, что могут приводиться в действие из любой точки мира.

Прекариату не нужно захватывать почту, телеграф, телевидение, перекрывать магистральные дороги и мосты, выходить на демонстрации и организовывать стачки, чтобы быть услышанным; хотя для осуществления всего перечисленного у нового класса на наших глазах вырастают целые армии «пехоты» в виде мигрантов, безработных, огромных масс людей, жизнь которых стараниями величайшего изобретения человека — государства — все больше проваливается в бессмыслие. Он несколькими кликами компьютера сможет дестабилизировать деятельность не одной какой-либо страны, а целых союзов государств, включая ООН. Здесь есть некие элементы фантазии — прекариат пока далек от самоорганизации, он разрознен, еще не осознает собственную силу и, что важнее, свои интересы. Он переживает младенческий возраст, потому и его действия в виде всяких,

по сути своей бессмысленных, флешмобов, хакерских атак, накручивания рейтинга некоторым медийным персонам и тому подобных «глупостей» выглядят детскими шалостями. Но это не означает, что он так и останется младенцем и ограничится выполнением своих капризов и чужих заказов. Прекариат невероятно быстро растет, почти с такой же стремительностью, с которой меняется мир. И в очередной раз — когда общество опережает власть в развитии, — эти изменения остаются вне внимания государства, хотя именно его они касаются в максимальной степени.

Государство вместе со своими союзниками в виде транснациональных корпораций, межгосударственных и наднациональных организаций и олигархата воспринимает роботизацию как возможность сокращения рабочих мест, которое влечет за собой главную выгоду — удешевление рабочей силы. Выгода здесь не только материальная. Человек в качестве дешевой рабочей силы сужается в возможностях, сокращается в потенциале, упрощается по сути и, как полагает власть с высоты иерархической пирамиды, становится более управляемым. А то, что индивид, ограниченный в ресурсах, становится менее предсказуемым, для недальновидной власти особого значения не имеет. К тому же последствия роботизации не ограничиваются одним только высвобождением рабочих рук, что, если исходить из реальной прагматики, является благом. Наша земля не освоена в сотой своей части, открыты лишь самые поверхностные ее пласты, и те изучены не до конца. Живущее вчерашним днем государство не осознает, что разум человека в своей уникальности хоть и приспособлен для вскапывания почвы, но способен на гораздо и невообразимо большее. Направлять высвобождаемые руки, тем более головы, нужно не в сферу обслуживания и военные цели в виде «пушечного мяса», а в образование, через него в науку, то есть самопознание в глобальном смысле. Если сказать иначе, то нужно наконец-то начать возделывать свой сад — Землю.

Государству невдомек, что социальные пирамиды бывают не только иерархическими и пищевыми, существуют и не менее эффективно работают пирамиды интеллектуальные, психологические, ментальные, духовные, внутри которых действуют пирамиды иного порядка и вектора — это всё в совокупности составляет мизерную часть сути глобального общества. Для того чтобы подобные истины понять, осознать и ими руководствоваться, необходимо глубинное восприятие человека. В социальном мире и природе практически вся суть человеческого существования в той или иной форме расписана, выложена и ежесекундно демонстрируется. Большинство явлений, казавшихся далекими от человеческой сущности, всего лишь проекции внутреннего мира индивида. Стоит лишь присмотреться, и станет ясным как аксиома, что каждый человек — храм, и каждый человек — государство, и он потому и отражает все окружающее, что все им созданное, включая промахи и ошибки, провалы и неудачи, есть отражение его сущности. Человек дуален и внутри своей дуальности бесконечно сложен

и многообразен так же, как добро, составляющее одну из его сущностей, — не совсем, не до конца, не полностью добро, оно само по себе разнообразно, и если попытаться нарисовать его, то понадобятся не только весь спектр цветов, но и сотни тысяч оттенков. Неоднозначно и зло как имманентное качество индивида, оно не может восприниматься безоговорочно черным; дело не столько в том, что скрывается внутри него, сколько в его потенциале, способном перевернуть весь мир. Но если эта внутренняя сила может повернуть весь свет в одну, предположим в темную сторону, так как речь о зле, то что мешает ему развернуть социум со всем его пространством в направлении света?

Государство считает доблестью, что способно отвечать на так называемые глобальные вызовы. Но, во-первых, прежде чем отвечать на них, оно само их создает. Во-вторых, даже если притвориться наивным и поверить в то, что глобальные вызовы образуются и размножаются сами по себе, то может, есть смысл не отвечать, не реагировать, а искоренить причину их возникновения. К тому же, государство не кривит душой, оно и вправду реагирует на созданные им самим вызовы, как на нечто инородное, источник которого неизвестен или скрывается в каких-то глубинных социальных пластах. Оно и в самом деле полагает, что те же коррупция и преступность — не его рук дело, а проблемы с экологией появляются по чьему-то недосмотру, и власть тут не причем, или практически не причем, то есть причем, но только на уровне отдельных нерадивых чиновников. И когда наказывает за ту же коррупцию, искренне полагает, что способствует торжеству справедливости. Так или примерно так оно действует тысячелетиями, так будет действовать и дальше.

Всесильное государство сильно в определенных пределах, оно давно, как минимум уже несколько веков тому назад, достигло потолка своей компетентности. И с прекариатом власть попытается действовать так же, как в свое время с пролетариатом. Но здесь штрейкбрехеров будет недостаточно. Термин «догоняющая модернизация», часто используемый для обозначения деятельности стран, которые за неимением собственного пути стараются подстраиваться под чужую колею (результат каждый раз оказывается одинаковым: пока колея осваивается, она оказывается устаревшей, и приходится начинать все сначала), государство применяет его приблизительно в подобной же форме в своих отношениях с обществом. «Примерно», — потому что государственная власть часто слишком сильно увлекается избранным вектором, забывая, что вектор его развития не может быть отделен от пути движения общества. И однажды оказывается на разных со своим социумом путях, и если власть устроена более или менее гибко (при реальных формах демократии), то успевает сдвигать рельсы и избегать непреодолимых противоречий, а если власть жестко ориентирована на какую-то одну только ей известную точку, то революции или как минимум социальных конфликтов не избежать.

Миграция

Одна из важных характеристик современного мира заключается в искусственном ускорении миграционных процессов. Вопрос намеренности и ненамеренности этого ускорения можно оставить на втором плане, так как более существенны не причины миграции, а ее суть и последствия.

Миграция — далеко не новое явление, она выступает спутником человечества с незапамятных времен и в своих естественных проявлениях служит прогрессу. Люди по разным причинам покидают свои дома и обжитые места. Иногда это происходит по внутренним причинам, то есть, испытывая определенного рода тесноту в родных стенах, отдельные индивиды пытаются посредством перемещений найти себя, точнее место приложения своих сил. Л.Н. Гумилев таких людей называет пассионариями. В некоторых других случаях миграция возникает по профессиональной необходимости, а значит, — из-за глобального разделения труда. Существует целые сообщества и нации, деятельность которых возможна только в постоянном, точнее, в перманентном движении, когда перемещения по миру максимально растянуты во времени и касаются не отдельных личностей, а целых поколений. Есть варианты, когда переселение происходит, скажем так, от хорошей жизни, в поисках не просто лучшей, а еще лучшей доли.

Специфика естественной миграции заключается в ее «мягкости», что она в максимальной мере допускает возвращение: человек оставляет только то, что хочет или считает нужным оставить, действуя свободно и по собственной воле — может уехать, но может и остаться. Следовательно, и ответственность за последствия переезда или переселения несет сам.

Масштабные процессы миграции, охватившие практически весь мир от Афганистана, Индии, Китая и Пакистана до Африки, Ближнего Востока, Восточной Европы и Южной Америки, распространившиеся в похожей мере на все постсоветское пространство, включая Прибалтику, — результат разных обстоятельств, объединяемых одной причиной, — все они происходят вынужденно. Часто обусловленность подобных обстоятельств такова, что миграция, если и предполагает возвращение, то только в неясной и неявной перспективе. В этом и заключается наиболее важный момент: отказ обусловлен многими критериями, периметрами и параметрами. Вынужденная миграция подразумевает не только потерю родины, но и уход от ментальности. Оказавшись вдали от родного края, человек практически мгновенно обнаруживает, что многое, из чего состоят его базовые ценности, для нового места обитания в лучшем случае имеют весьма относительное значение, а нередко и вовсе лишены смысла. Если откровенно, то менталитет, присущий одной социальной среде, в другом человеческом окружении может выглядеть уродством и безумием. Одновременно с потерей ориентиров выясняется (притом наглядно проявляясь на каждом шагу), что мигранту, по крайней мере на первых порах, никакой иной, а тем более действующий и работающий менталитет недоступен. Неизбежный когнитивный диссо-

нанс, охватывая все существо человека, ввергает его в пучину непонимания абсолютно чужой среды.

Основная характеристика данной ситуации заключается в масштабности происходящего, так как всё описанное происходит не с одним человеком в каком-то конкретном месте, а с массами и практически повсюду. Реакцию тех, кто в острой форме пережил когнитивный диссонанс и потерю жизненных ориентиров, легко предугадать только в примитивном восприятии. Если попытаться вникнуть в суть этой реакции, то взору откроются глубинные процессы, способные ввергнуть в ту самую дезориентацию все человечество. Пополняя ряды прекариата, мигранты, оказавшиеся на всю оставшуюся жизнь в состоянии блуждающей кометы, составляют и авангард, и арьергард, и острие его фронта; а если точнее, то — «пушечное мясо», ряды которого постоянно пополняются.

Важным обстоятельством выступает потеря ментальности, отсутствие которой, лишая человека возможности ориентироваться, одновременно его освобождает в худшем понимании этого слова: освобождает от всего, в том числе от той морали, в рамках которой он существовал в течение всей своей прошлой жизни. Равнодушие и безразличие ко всему становится главным качеством человека. Ситуация, когда вокруг нет ничего, чего было бы жаль, никого, кого можно было бы уважать, стыдиться и даже любить, приводит к тому, что человек трансформируется в инструмент, который при наличии соответствующих целей можно использовать как рабочую силу, как солдата и как смертника. Это — крайние варианты, в глобальном восприятии подобные мигранты фиксируются как граждане и избиратели, так и не став ими. Им все равно кого и во имя чего выбирать. Они пребывают внутри жизни, которая для них почти ничего не значит. Весь социальный мир им представляется одним огромным гетто. Чужие для всех и для самих себя, они живут по принципу «перекати-поля», перемещаясь с места на место по обстоятельствам, как по воле ветра.

Образовывая внутри социума некую черную дыру, непонятную и с трудом поддающуюся разве что силовому управлению, а иногда и неуправляемую, они превращаются во внутренне враждебное сообщество не только по отношению к окружающим, но и ко всему миру. Сообщество, которое может стать недостающим элементом арсенала средств самоуничтожения человечества. Покойный астрофизик Стивен Хокинг предполагал, что внеземные цивилизации не добираются до Земли по той причине, что не доживают до технического прогресса, при котором возможно подобное путешествие через световые года. Достигнув определенного цивилизационного уровня, они затевают суицидальные войны, и вселенной приходится начинать все сначала. Сегодня человечество располагает всеми средствами самоубийства, не хватает лишь крайних форм безразличия и безумия. Вынужденная миграция, являющаяся следствием локальных и по своей сути коррупционных войн (ничего иного, кроме выгоды, преобладающее большинство из них не

подразумевает), вполне способна обеспечить безразличие, а безумие, судя по состоянию глобального пространства, как-нибудь приложится.

* * *

В отношении прекариата глобальная государственная система вольно (не считает необходимым менять старые методы) или невольно (не знает, как поступить с абсолютно новой для себя социальной субстанцией) придерживается такого же подхода. При этом упускает один момент: прекариат, под которым подразумевается практически новое сообщество, численностью и экстерриториальностью во много раз превышает класс, состоялся как явление и с каждым днем обретает мощь и возможности. Он пока не проявляет себя только по причине нехватки одной детали — организованности. Это сегодня некие спецслужбы могут запрещать или разрешать деятельность каких-то безобидных социальных сетей, принуждать к сотрудничеству разработчиков компьютерных программ и систем, но если не понимать и не осознавать сути проблемы, не начинать действовать в полном соответствии с ситуацией, то завтра объекты могут поменяться с субъектами. И не в пределах какой-то страны, а в глобальном масштабе.

Отличие прекариата от пролетариата заключается в едва ли не самом существенном. Пролетариат не имеет ничего, соответственно и «терять ему нечего, кроме своих цепей». Но это по Марксу, в реальности рабочий класс, включая последнего люмпена, обладает весьма важным преимуществом, отсутствие которого и отличает прекариат: у пролетариата есть родина, у прекариата она тоже имеется, но он ее лишен. И в состоянии лишенца многого, что составляет суть личности, прекариат широкими шагами и под звуки глобального государственного «оркестра» движется на замену пролетариата. При удачных обстоятельствах он превзойдет рабочий класс не только по численности (массе), но и по силе и возможностям. Отсутствие родины вкупе с безразличием придадут его возможным намерениям особую суть, причем в таких масштабах и векторах, которые трудно даже предположить.

Кроме всего прочего, в сочетании с планетарного охвата демографическими изменениями, прекариат, как очередной глобальный вызов, меняет свои численность, территорию, потенциал в такой прогрессии, что подобен леднику, висящему над ущельем словно дамоклов меч, который просто не может не упасть. Придерживаясь старых связей с транснациональными корпорациями и олигархатом; практически повсеместной коррупцией и экономической преступностью; прикрываясь одному ему понятными и одному ему служащими законами; международным правом, которое теряет всякую значимость при наличии хоть одного межгосударственного конфликта, доведенного до войны; видимостью народовластия; разделяя мир по различным формам глобальной кастовой системы, охватывающей в том или ином виде людей, этносы, народы, страны, материки и континенты, глобальное государство выглядит как человек, ожидающий схода снежной

лавины с лопатой в руке. А то, что оно продолжает насаждать рабство, иначе чем суицидальной склонностью не объяснить. «Вот уже сто лет рабство практически отменено. Некоторые убеждены, что оно вскоре будет вновь введено. Я настроен более оптимистически, ведь это, в конце концов, будет зависеть от нас самих. Однако, даже если все это будет снова потеряно и даже если нам придется вернуться к почти совершенному человекозверю, это не изменит того факта, что однажды, хотя бы на короткое время, рабство действительно исчезло с лица земли» [4].

Своим происхождением и этот вызов обязан государственной системе управления — общество не порождает классы, оно вообще не создает проблемы, с которыми неспособно справиться. Можно не сходя с места предсказать, что власть может предпринять, чтобы перенаправить энергию масс, оказавшихся не у дел в результате *неожиданного* для нее (справедливо полагать, что если бы вызов был для нее ожидаемым, то и власть была бы к нему готова) научно-технического скачка. Ничего другого, кроме отвлекающих технологий ей и в голову не придет, притом за ценой она не постоит. Власть несвойственно экономить на собственных нужды, для нее социальные вопросы — всякие пенсии со стипендиями и субсидиями — бремя, а на бессмысленные инаугурации с пустыми презентациями она никогда средств не жалеет. На глобальные «мероприятия» ей не жалко не только денег и материальных расходов, но и человеческих жизней. И чем больше разрушений, тем больше «реального дела» в виде восстановительных работ, чем больше жертв, тем долгие траур, что тоже неплохо: времена трауров по нормам общественной морали (при необходимости и до нее можно снизить) не предполагают протестов.

И с прекариатом государство, разумеется, попытается бороться с помощью тех же глобальных «мероприятий», используя старые русла, куда обычно переправляет народный гнев — одних обвинит в экстремизме, других — в терроризме, третьих запишет в нелегальные мигранты, четвертых — в неконструктивную оппозицию. И очень возможно, что на какой-то период этих методов хватит, чтобы отодвинуть проблему в сторону или вглубь по времени. Но прекариат уже опирается и дальше будет опираться на демографию, с которой трудно будет сладить с использованием устаревших методов. Даже если по всему миру будут открыты тысячи новых «гуантанамо», возобновится деятельность концентрационных лагерей и фильтрационных баз, территория глобального государства в прямом, физическом смысле будет иметь одну тенденцию — к сокращению. Если удастся отвлечь человечество на еще одну-две-три мировые войны, то это лишь отодвинет бесславный конец. Реальностью недалекого будущего при всевластии государства является не один «золотой миллиард», а множество миллиардов обесмысленных жизней.

«...Государство есть не что иное (да и не должно быть ничем иным), как общественная сила, установленная не для того, чтобы служить граж-

дана орудием притеснения и взаимного грабежа, а, напротив, для того, чтобы облегчить каждому свое и способствовать царству справедливости и безопасности» [5]. Но именно государство, исходя из примитивной цели сохранения и продолжения срока собственной власти, заперло человеческий разум в узкие рамки инстинктов и элементарных потребностей. Преобладающее большинство людей на планете настолько заиклено на вопросах выживания, что не только не способно по-настоящему мыслить, но и не в состоянии оторваться от повседневных проблем, чтобы запускать мыслительные механизмы. Разве не поразительно, что у человека, — возможно, единственного разумного существа во всей Вселенной, обладающего уникальной способностью творить и создавать, на первом месте — физиология и безопасность (А. Маслоу). Притом, значительная часть опасности исходит не из природы и космоса, а от самого человечества, точнее, его главного изобретения — государства.

Взаимоотношения между государством и обществом не только несправедливы, они неестественны по своей форме, содержанию и сути. Масштабы деяний человечества, включая глобальные войны и разного рода революции (как социальные, так и культурные, технические, технологические, духовные), в буквальном смысле вопиют о том, что цивилизация в течение последних трех-четырёх веков перешагивает в другой возраст — возможно, в юность или молодость, но в любом случае — в более осмысленный возраст, в котором значение разума и здравого смысла восходит в преобладающий фактор. При всем желании государства, даже если общество по тем или иным причинам захочет держаться пресловутой стабильности, которая во всех своих закоряченных вариантах приводит к социальным катастрофам, сохранить статус-кво не удастся по определению. С увеличением численности населения приумножается не только физическая масса людей, *расширяется пространство мысли*. Каждый человек — являет собой сложность, если миллиард людей — один уровень множественности этой сложности, то 8 или 10 миллиардов — иной порядок бесконечной множественности и многосложности.

Если закрывать людей в физиологии и безопасности удастся, то это вовсе не означает, что удастся запереть их в отдельных странах и на континентах. Миграция не всегда управляема, более того, чаще всего она имеет самостоятельные закономерности и маршруты. Границы способны удерживать тысячи и десятки тысяч людей, но миллионные толпы они удержать не в состоянии. А толпам достаточно лишь прийти в движение, спусковым механизмом для этого может послужить что угодно, включая природные бедствия. С учетом того, что развитие государственной власти происходит часто лишь в совершенствовании методов самосохранения, то мир не застрахован и от государств-любителей использования миграции как не-тривиального вида оружия, которое без особых усилий, с помощью одних

только информационных технологий можно применить для нарушения внутреннего покоя стран-неприятелей.

«Сегодня, перед лицом мировой катастрофы, угрожающей существованию человечества, у нас еще есть возможность усвоить себе на основании исторического знания великие опыты мышления и перевести этот опыт в силы настоящего» [6]. Мир сегодня оказался у такого порога, что для него легче прогнозировать алармические сценарии, чем будущее в светлых тонах. Учитывая, что в течение последних столетий тон в мировой политике задают так называемые цивилизованные державы, то даже страшно представить, что было бы при правлении нецивилизованных государств, стыдливо обозначаемых третьими странами. Возможно, члены Совета безопасности Организации Объединенных Наций в слово «цивилизованное» вкладывают иное значение, но факт остается фактом: мировое зло в виде социальных бедствий исходит едва ли не исключительно от цивилизованных держав. Притом с каждым годом и десятилетием это зло становится все изощреннее, что объяснимо. Ведь и современный мировой интеллект, особенно технический, сосредоточен в основном в ведущих странах. Основная мечта сбылась давно и в том смысле, в котором удобно. Глобализация практически состоялась: весь мир, который предназначен человечеству в качестве общего дома, обращен в планетарный рынок по реализации всего и вся, в одно большое месторождение, из которого всего лишь за бумажные деньги, являющиеся мерой всех товаров и кое-чего еще, можно качать и добывать все, что содержат недра. Но процесс дележа, в котором есть все, включая цели, задачи, предметы, кроме логики, нескончаем. Судя по всему, мировая государственная система все больше теряет способность к торможению и остановится, лишь столкнувшись с чем-то более глобальным, чем сама. Таковым является только мировое сообщество, других кандидатов в социальном мире на роль разумного машиниста нет.

Список литературы

1. Сол Дж.Р. Ублюдки Вольтера: Диктатура разума на Западе. М., 2007.
2. Неклесса А. Мир как корпорация людей: на планете разворачивается своего рода восстание личности. Независимая газета. 19 июля 2018 года.
3. Стендинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.
4. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М., 1992.
5. Бастиа Ф. Протекционизм и коммунизм. Челябинск, 2011. С. 16.
6. Ясперс К. Великие философы. Кн.1. Задающие меру люди. М., 2018. С. 11.